

ПАМЯТИ...

ПАМЯТИ А.Е. КУЗНЕЦОВА

А.М. Белов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
indogermanica@yandex.ru*

Аннотация: Текст посвящен памяти доктора филологических наук, доцента кафедры классической филологии филологического факультета МГУ Александра Евгеньевича Кузнецова. Дается очерк научного и педагогического пути А.Е. Кузнецова, рассматриваются его глубоко оригинальные и многогранные взгляды на проблемы изучения античной литературы, латинского языка и стиха, охарактеризованы важнейшие труды, рассказывается о некоторых чертах его замечательной личности.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; латинский язык; просодика и метрика; сатурнов стих; история античной литературы; стиховедение; история жанров; текстология; классическая филология; А.Е. Кузнецов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-02-21

Для цитирования: Белов А.М. Памяти А.Е. Кузнецова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 2. С. 241–247.

IN MEMORY OF A.E. KUZNETSOV

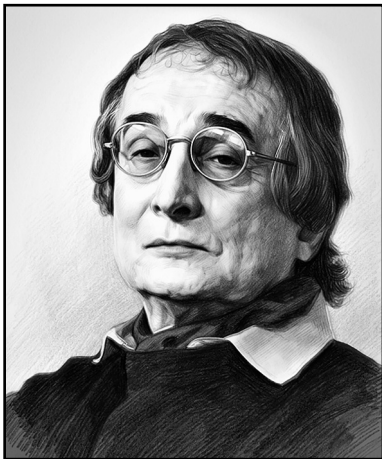
Alexius M. Belov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; indogermanica@yandex.ru

Abstract: The paper is dedicated to the memory of Alexandre Evgenyevich Kuznetsov (lat. Alexander Fabricius), Doctor of Philology, Assoc. Professor of the Department of Classical Philology at the Philological Faculty of Moscow State University. The author gives an outline of the academic and pedagogical CV of A.E. Kuznetsov, who was his Teacher, friend and colleague; he proposes a sketch of Kuznetsov's original conceptions on Latin metrics and Roman literature, pictures some notable characteristics of the outstanding person.

Keywords: Lomonosov Moscow State University; Latin language; ancient literature; prosody and metrics; Saturnian verse; textology; history of genres; classical philology; A.E. Kuznetsov

For citation: Belov A.M. (2026) In Memory of A.E. Kuznetsov. *Lomonosov Philology Journal*, no. 2, pp. 241–247.

В пятницу 13 февраля 2026 года остановилось сердце *Александра Евгеньевича Кузнецова*, доктора филологических наук, ученого и учителя, который был не просто выдающимся сотрудником кафедры классической филологии нашего университета и любимым многими лектором и преподавателем: Александр Евгеньевич был одним из ведущих латинистов современной России, крупнейшим знатоком античной литературной и филологической традиции, одним из наиболее видных в миро-

вой науке теоретиков метрики и античного стиха. Проявив себя и как литературовед и как лингвист, как исторический филолог и как теоретик, как тонкий знаток античной поэтики и как придирчивый текстолог, убежденный формалист и настоящий философ, А.Е. непременно войдет в историю нашей науки как более чем значительное ее явление, — а его безвременный уход трудно описать иначе, чем как тяжелейший удар по ней. Поскольку же, при всех своих достижениях, А.Е. никогда не стремился к публичности, избегая ее в течение всей жизни, представляется справедливым хотя бы сейчас немного рассказать о личности и трудах человека, бывшего всем нам коллегой, а мне одновременно учителем и другом¹.

А.Е. Кузнецов родился в Москве 11 июля 1960 г. в интеллигентной семье работников высшей школы. Его отец, *Евгений Семёнович Кузнецов* (1928–2013), доктор технических наук, профессор, заведовал кафедрой «Эксплуатация автомобильного транспорта и автосервис» МАДИ; был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР», являлся действительным членом Академии транспорта РФ. Матерью А.Е. была *Александра Алексеевна Камынина* (1928–2019), кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка МГУ, известная своими работами по русской морфологии и синтаксису и своей деятельностью на посту ученого секретаря диссертационного совета по русскому и славянскому языкознанию. А.Е. был младшим из двух детей, у него осталась сестра Татьяна.

¹ Попутно выражаю искреннюю благодарность родным и близким А.Е. — Т.Е. Кузнецовой, А.М. Маломуд и А.В. Захаровой — за предоставление мне недостающих биографических подробностей.

Обучался А.Е. Кузнецов в специальной школе № 14 (теперь гимназия № 1257, что напротив Свято-Данилова монастыря) с преподаванием ряда предметов на английском языке. Школа эта, тогда одна из сильнейших в Москве, отличалась своими традициями, восходившими еще к 554-й мужской школе, преемницей которой (с 1961 г.) она считалась; за поколение до А.Е. там учились такие известные люди, как поэт А.А. Вознесенский, режиссер А.А. Тарковский, прот. о. Александр Мень. Одновременно с этим в середине 1970-х школа была проникнута и неким особым духом свободомыслия, местами переходящего в диссидентство. Любовь и уважение к творчеству «Битлз», «Пинк Флойд», разным формам модернизма и авангардизма в искусстве А.Е. пронес через всю жизнь. Попутно, уже в старших классах школы, А.Е. (как он сам рассказывал) был захвачен идеей изучить латинский язык и занимался им самостоятельно по учебнику А.И. Зайцева (2-е изд. 1974 г.). Причины этого увлечения он объяснить не мог; возможно, это столь нетипичное для комсомольца 1970-х гг. желание было еще одним следствием неприятия «быть как все» — значимой чертой личности А.Е. на всем протяжении нашего с ним общения.

Интерес к латинскому языку оказался, однако, столь силен, что привел юношу на классическое отделение Московского университета, где тот обучался 1977–1982 гг. в компании весьма ярких личностей. Курсом старше (в числе прочих) учились *В.Л. Цымбурский* и *Ф.Б. Поляков*, курсом младше — *О.Л. Левинская* и *И.И. Ковалёва*, двумя годами младше — *К.Г. Красухин*, тремя — прот. о. *Максим Козлов* и *В.В. Муханова*. Очень добрые многолетние отношения связывали А.Е. и с его однокурсником с ОСиПЛа *В.А. Плунгяном*; они оставили свои следы в научной деятельности обоих и послужили замечательным примером «междисциплинарной дружбы» «классиков и отиплов» и для всех нас. Из преподавателей того времени А.Е. как наиболее значимое вспоминал влияние *Н.А. Фёдорова*, который, помимо своей известной требовательности и любви ко всему латинскому, запомнился ему своим артистизмом, а также упорным нежеланием обращать внимание на долги. Очень может быть, что интерес А.Е. к просодии и метрике, ставший главным в его научной жизни, происходит уже отсюда. Несомненное влияние на А.Е. оказали также *М.Л. Гаспаров* (под началом которого он писал дипломную работу), *А.А. Тахо-Годи*, *Ю.А. Шичалин*, *М.Н. Славятинская*, *К.П. Полонская*.

По окончании университета А.Е. в течение достаточно длительного времени работал в НИО редких книг РГБ (тогда ГБ СССР им. Ленина), параллельно занимаясь как собственными научными ис-

следованиями, так и переводами. Некоторые из них не изданы до сих пор.

Первым серьезным научным интересом А.Е. Кузнецова было преломление античной философской традиции в наследии Апулея — причем не только в широко известных *«Метаморфозах»*, но и во всем его творчестве. Исследование такого рода предполагало, во-первых, глубокое знание античной философии в целом, а во-вторых, тщательный текстологический и поэтический анализ сочинений этого очень трудного автора. Одним из побочных наблюдений оказалось и очень перспективное предположение А.Е. о том, что известные из позднейшей традиции анекдоты о философах были отголоском популярных (и неизвестных нам) сюжетов среднеаттической комедии. В 1988 г. выходит перевод и комментарий сочинения Апулея *«О божестве Сократа»*², а в 1989 г. А.Е. Кузнецов защищает кандидатскую диссертацию *«Художественные принципы и мировоззрение Апулея»* (науч. рук. проф. А.А. Тахо-Годи). Одновременно с этим в 1989 г. он приглашен для работы на кафедру классической филологии, сначала как преподаватель-почасовик, а с 1996 г. как штатный преподаватель (впоследствии доцент) кафедры.

На кафедре, помимо практических занятий латинским языком и специальных занятий (о них отдельно), А.Е. традиционно читал курсы античной литературы — *«Римскую литературу»* для специалистов-классиков и (позже) *«Историю античной литературы»* как для всего потока, так и отдельно для некоторых отделений. Лекции по римской литературе³ производили большое впечатление уже тем, что курс был построен не по хронологии, а по жанрам (в стилистике акад. Гаспарова), а центральное внимание уделялось не столько конкретным персоналиям, сколько теоретическим проблемам и литературному процессу. Помимо этого, очень важное место занимала работа с источниками, современной научной литературой и научными изданиями, знакомство с которыми требовалось вопросами билетов. Это делало предмет трудным для освоения, и я помню, как некоторые студенты жаловались на его непонятность; но помню и то, как уже после экзаменов называли его одним из самых интересных и впечатляющих в их жизни.

В дальнейшем появились и другие курсы: *«Античная метрика»* (впервые в новейшей истории кафедры), *«Текстология и критика текста»*, *«История античной словесности. Проза и поэзия»* и некоторые другие. Все они закрывали грандиозные пробелы, пораз-

² Апулей. *«Метаморфозы»* и другие сочинения. Перевод с латинского. Состав и научная подготовка текста М. Гаспарова. М.: Художественная литература, 1988. С. 335 и слл.

³ Привожу пример лекций 1999–2000 гг.

ившие программу классического образования в советскую эпоху. Важно подчеркнуть, что лекции А.Е. не представляли собой простого изложения чужих достижений, пусть даже и первоклассных: все они органично продолжали и его оригинальные научные исследования, направленные преимущественно на три главные (но довольно разнородные) цели. Это 1) проблемы латинского языка и стиха; 2) история поэтических жанров и в особенности комедии⁴; 3) текстология, в том числе как отражение истории филологической науки⁵. Особую любовь А.Е. испытывал к раннеримским поэтам (Эннию, Невию и др.); думаю, это потому, что они объединяли в себе одновременно все три направления. Помимо этого большой интерес он проявлял и, напротив, к позднеантичным авторам (таким, как Нонний Марцелл), которые выступали источником фрагментов ранней литературы в поздней традиции. Но, конечно, с немалым интересом изучал А.Е. и классиков — Горация, риторические трактаты Цицерона, Вергилия, Плутарха и многих других.

Два самых крупных труда А.Е. посвящены теории и истории стиха и науке о нем. Это уникальная «*Латинская метрика*» (2006), которая отнюдь не представляет собой (как это могло бы показаться непосвященному) простого описания стихотворных размеров и правил. Это грандиозная система знаний, объединяющая теоретическую модель стиха, сделанную средствами фонологии, с детальным изучением поэтических форм, известных как из поэтических текстов, так и из трактатов античной метрической науки и музыки. Даже на фоне лучших трудов о метрике в мировой науке (*Снелля, дель Гранде, Больдрини* и др.) книга А.Е. впечатляет своей глубиной и междисциплинарной многомерностью⁶, оценить которую во всей глубине еще предстоит. Столь же масштабна и многомерна его докторская работа «*Сатурнов стих как метрическая форма ранней латинской поэзии*» (защищена в 2009 г.), являющая собой новейшее решение фундаментальной проблемы природы, происхождения и научного описания этой важнейшей и совершенно загадочной поэтической формы. Работ такого рода и такого уровня в современной науке — единицы, а в нашей — такого не было никогда. В последние годы А.Е. работал над подготовкой публикации этого труда как монографии, однако работа эта, насколько знаю, еще не была доведена до конца.

⁴ Полагая ее наиболее «непонятным» для современности жанром.

⁵ Тут А.Е. любил повторять, что с влиянием классической филологии на мировую историю может сравниться разве что атомная физика.

⁶ Отметим, что рецензентами книги были акад. Н.Н. Казанский и акад. В.А. Плунгян.

Помимо этого, А.Е. Кузнецов — автор немалого числа авторитетных статей как в ведущих научных журналах, так и в Большой Российской энциклопедии; среди его работ имеются и ценные не только в научном отношении статьи на латинском языке. Кроме того, А.Е. многократно выступал редактором кафедральных сборников, некоторых учебных пособий и хрестоматий, состоял членом диссертационного совета. А.Е. был одним из создателей кафедральной библиотеки и разработчиком системы учета книг (тут пригодился его опыт в РГБ). Под руководством или при тесном участии А.Е. были защищены многочисленные дипломы и кандидатские диссертации (А.В. Журбиной, Е.А. Щербаковой, Е.П. Новиковой, С.А. Харламовой, М.П. Пархаевой); исключительно велик его вклад как научного консультанта и критика и в мои научные и учебные сочинения.

Почти все перечисленные выше (и многие неперечисленные) коллеги вышли в свет из специальных семинаров А.Е. Кузнецова, представлявших собой квинтэссенцию науки и педагогического мастерства их создателя. Посвященные довольно разным темам (в мое время это было изучение фрагментов разных авторов) и соединявшие в себе глубину научной дискуссии с дружеской беседой за чашкой чая, эти встречи нередко затягивались до позднего вечера, а потом (когда в корпусе уже начинали тушить свет) могли плавно перейти в перипатетическую прогулку по вечерним улицам. Думаю, именно эти часы остались для меня самыми прекрасными воспоминаниями о моем студенчестве.

С А.Е. можно было говорить обо всем — от ямбического сокращения до динозавров и смысла жизни; при этом во всех случаях он умел сочетать в себе строгость аналитического ума с абсолютной доброжелательностью и любовью к своим ученикам и собеседникам — качество отнюдь не повсеместное в среде интеллектуалов. И если про иных известных ученых порой можно услышать, что «*он за фонему человека придушит*», то А.Е., напротив, никогда не смешивал критику мысли с неуважением к личности. Я не могу вспомнить ни одного примера, чтобы он презрительно или злобно отозвался о ком-то из коллег, при том что несогласным он мог быть с кем угодно. Это же касалось и ошибок или заблуждений учеников, которые он разбивал безжалостно, но абсолютно тактично. При этом он очень охотно делился своими мыслями или наблюдениями с учениками и был искренне рад, если кто-то из нас продолжал какую-то в своих работах.

А.Е. вел научную переписку с рядом известных российских и зарубежных ученых; с большим удовольствием общался в письмах и с учениками. Примечательно, что большая часть нашего с ним пись-

менного общения была на латинском языке, которым он, знаток разнообразных эпох и стилей, владел виртуозно; для меня же это был удивительный опыт и прекрасная школа.

Помимо науки, А.Е. имел множество других интересов в жизни — от цветоводства и программирования до созерцания искусства и занятий собственным творчеством. При всей своей учености и внешней закрытости он отличался глубоким радушием к близким и потрясающе тонким чувством юмора, полным глубоких аллюзий и культурного символизма. Но опять: одновременно с этим он раскрывал себя и как серьезный и мудрый человек, мыслитель и философ. Помню, как однажды в порыве душевных исканий юности я спросил у него: *мир — это порядок или хаос? и какая философская система наиболее правдоподобна?* Лучшей философской системой он назвал тогда платонизм. А его ответ (*«Мир — это, несомненно, порядок, но порядок божественного ума, такой, что проецируется нам часто как хаос»*) повлиял на мою жизнь самым существенным образом. Вспомнил я этот разговор сейчас еще и потому, что меня очень тронули слова, сказанные в кафедральном некрологе: *Новая Жизнь началась для нашего учителя, а для нас началась новая эпоха.* За четверть века нашего общения мне не раз казалось, что мой Учитель лучше многих других знает, как на самом деле устроена Жизнь, чтобы найти свое законное место в Вечности, — а новая эпоха началась теперь потому, что нам надо будет научиться жить без него.

REQUIESCAS, MI CARISSIME FABRICI, AETERNA IN PACE

Поступила в редакцию 15.02.2026

Принята к публикации 18.02.2026

Отредактирована 31.03.2026

Received 15.02.2026

Accepted 18.02.2026

Revised 31.03.2026

ОБ АВТОРЕ

Алексей Михайлович Белов — д.ф.н., доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова;
indogermanica@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexius M. Belov — DSc in Philology, Associate Professor of the Department of General and Comparative Linguistics, Lomonosov Moscow State University;
indogermanica@yandex.ru